
Кравченко С. А.

ВОСТРЕБОВАННОСТЬ ГУМАНИСТИЧЕСКОГО ПОВОРОТА В СОЦИОЛОГИИ

Кравченко Сергей Александрович – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой социологии МГИМО (У) МИД России, главный научный сотрудник Института социологии РАН

E-mail: sociol@mgimo.ru; sociol7@yandex.ru

Тел.: +7 (495) 434 94 26

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы вступления человечества в сложный социум, сущностной чертой которого является становление, происходящее нелинейно, с сопутствующими рисками, травмами, разрывами, парадоксами. Автор утверждает, что адекватная интерпретация этих процессов делает необходимым гуманистический поворот в социологии. Соответственно, междисциплинарная гуманистическая теория сложности, которая сама находится на этапе становления, способна обосновать подходы к осуществлению гуманистически ориентированной модернизации российского общества.

Полная версия статьи под названием «Контурь гуманистической теории сложности» опубликована в: Россия реформирующаяся. Ежегодник. Вып. 11 / Отв. ред. М. К. Горшков. М.: Новый хронограф, 2012. С. 36-61.

Ключевые слова: российская идентичность, соотношение гражданской, этнической и локальной идентичностей, межэтническое согласие, пороги толерантности.

XXI век ознаменовался ускорением, а главное усложнением социокультурной динамики, что связано с появлением принципиально новых вызовов глобального характера. Чтобы адекватно анализировать «убегающий» сложный мир (Э. Гидденс), пришлось создавать качественно иные парадигмы, основанные не на интеграции собственно социологических теорий, а синтезе социологических подходов с другими науками. Так возникли повороты в социологии, предполагающие междисциплинарные подходы. Среди них: лингвистический поворот (Л. Витгенштейн, М. Хайдеггер, М. Фуко, П. Бурдьё); рискологический (У. Бек, Э. Гидденс, Н. Луман); материалистический (Б. Латур, Д. Пелс, К. Хезерингтон, Ф. Вандерберге); культурный (Дж. Александер). За последнее десятилетие известный английский социолог Дж. Урри предложил три новых поворота в социологии – сложности, мобильности и ресурсный повороты¹.

¹ См.: Urry John. *Climate Change and Society*. Cambridge: Polity Press. 2011.

Вместе с тем, на наш взгляд, все три поворота, предназначенные для более углубленного понимания и исследования сложных реалий, ратуют за интеграцию естественных и социальных наук, оставляя в стороне *науки гуманитарные*. Мы же принципиально исходим из того, что для анализа сложного социума необходим синтез естественнонаучного, социального и гуманитарного знания, результатом которого явилась бы *парадигма сложности, имеющая социологический стержень*. Такая интеграция позволила бы, с одной стороны, максимально учесть сложности социокультурной динамики, всевозможные парадоксы, дисперсии и турбулентности социума, развивающегося в *единстве с природой*, а с другой — осуществить поиск и утверждение *новых форм гуманизма*, включая *гуманистическую направленность* любых научных исследований, что становится этическим императивом в космополитизирующемся сетевом сообществе народов.

Диагностика сложного социума

Рассмотрим наиболее характерные параметры сложного социума через призму социологической диагностики, предполагающей взаимодействие различных отраслей научного знания. Как отмечает академик М. К. Горшков, — «диагностика», «диагноз» *становятся междисциплинарными понятиями*¹.

Важным атрибутом сложности социума является его *самоорганизация и рефлексивность*. *Относительно простой* является та социальная система, которую, говоря словами Э. Дюркгейма, можно «рассматривать как вещь»²: она функционирует под влиянием внешнего принудительного воздействия; суть ее структуры сводится к составляющим частям. Как нет жесткой грани между живой и неживой материей, так нет подобной грани между простой и сложной системой, ибо сложность есть качественный результат *процесса*. Простые социальные системы были характерны для традиционных и отчасти индустриальных обществ. Первые социологи создавали теоретический инструментарий именно для исследования подобного рода социальных систем, и он был достаточно эффективен.

Ныне, как считает академик В. С. Степин, утверждаются *саморегулирующиеся системы*, качества которых не сводятся к свойствам их частей³. При этом части систем все более и более *выходят из-под структурных ограничений*, они обретают принципиально новое функциональное свойство — *агентство*, понимаемое как способность

¹ Горшков М. К. Российское общество как оно есть. М.: Новый хронограф. 2011. С. 10.

² См.: Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М.: Канон. 1995.

³ См.: Степин В. С. О философских основаниях синергетики. Синергетика: Будущее мира и России. М.: Издательство ЛКИ. 2008.

к *рефлексивности* социальных акторов¹. Это качественно усложняет процесс развития и трансформации социума за счет включения в него как интенциональных, так и *ненамеренных последствий*.

Сегодня мы имеем дело с *усложняющимся становлением социума*. По оценке Президента Всемирной социологической ассоциации П. Штомпки (2002–2006 гг.), которым была предложена *теория социального становления*², ныне нормой является *становление* социума, которое происходит в контексте сопутствующих социальных и культурных *травм*, которые, являются *атрибутами становления*, переживаемого социальной группой или обществом в результате «деструктивного воздействия на социальное тело непредвиденных, отчасти неопределяемых, имеющих непредсказуемый финал процессов»³. Можно утверждать, что травмы посткоммунизма вступили в *стадию излечения*. Однако их преодоление, по нашему убеждению, связано не столько с тем, чтобы по благосостоянию «догнать и перегнать» кого бы то ни было, а с тем, чтобы создать условия функционирования собственно человеческих отношений и *действующего* человека.

Жизнедеятельность в условиях сложного социума востребовала *социальный порядок иного качества*. «Порядок и хаос — замечает Дж. Урри, — выражают определенное состояние баланса, в котором компоненты ни полностью замкнуты в конкретном месте, ни полностью исчезли в анархии»⁴.

Это принципиально новый взгляд на природу социального порядка и факторы его образующие. Согласно воззрениям классика социологии Т. Парсонса иерархия ценностей и норм, пронизывающая все уровни общества, задействует механизмы, которые в случае тех или иных девиаций достаточно эффективно восстанавливают социальное равновесие⁵. Ныне ситуация меняется: по мере усложнения социума «усилия по восстановлению социального порядка почти всегда порождают дальнейшие непредвиденные последствия, — отмечает Урри. — Они часто такого характера, что отодвигают общество дальше от упорядоченного равновесия»⁶.

¹ См.: Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя. 2007; Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуриации. М.: Академический проект 2003.

² См.: Sztompka P. Society in Action: A Theory of Social Becoming. Cambridge. 1991.

³ Штомпка П. Социальное изменение как травма // «Социологические исследования», 2001. № 1. С. 6.

⁴ Urry John. Global Complexity. Cambridge: Polity Press. 2003. P. 22.

⁵ См.: Парсонс Т. О социальных системах. М.: Академический Проект. 2002.

⁶ Urry John. Global Complexity. P. 105.

Сказанное подтверждается тем, что современные финансовые турбулентности в одной европейской стране лихорадят всю зону евро, волны от которых не могут не затронуть и финансовую систему России. Аналогичное касается нынешних политических турбулентностей.

По нашему убеждению, минимизировать травмы, турбулентности и т. д. можно и нужно относительно *маленьким, но системным* эффектом в виде нахождения оптимального соотношения между организацией и рефлексией, самоорганизацией. Точечное воздействие гораздо более эффективно, чем простое суммарное сложение инициатив. В сложном социуме порядок обеспечивается относительно малыми усилиями *профессиональных акторов* за счет общей гуманизации человеческих отношений, увеличения креативного человеческого капитала.

Сложный социум – это и новые *скорости социальных изменений*. Отметим следующие три фактора скорости, которые нам представляются наиболее значимыми по влиянию на качество социума: во-первых, мы подошли к *порогу собственно человеческих возможностей рефлексии быстротечных событий*, чтобы принимать по ним адекватные решения с *гуманными целями и средствами*; во-вторых, постоянно увеличивается доля *короткоживущего* социума и уменьшается доля *долгоживущего*. Это касается времени функционирования институциональных структур, жизни референтов, включая идеалы, ценности, авторитеты, научное знание. В-третьих, сегодня мы сталкиваемся с эффектом *временного дисхроноза*: в одном обществе сосуществуют люди, фактически живущие в разных *темпомирах*. Если *определенная часть* общества не справляется с увеличивающейся скоростью перемен, если не успевает рефлексировать относительно ненамеренных последствий изменений, то могут возникать принципиально новые социальные катаклизмы.

Сложный социум предполагает *«переоткрытие» времени*. Одними из первых стали обосновывать сложную сущность социального времени Р. Мертон и П. Сорокин, которые ввели в научный оборот само понятие «социального времени»¹. При этом П. Сорокин утверждал, что происходит *флуктуация* времени, предполагающая его разные качественные параметры: идеациональная и чувственная концепции времени².

Сегодня уже речь идет о более сложных трактовках времени, его «переоткрытии». Данный термин предложил И. Пригожин для обоснования синергетической модели времени, что предполагает презумпцию необратимости времени, и, соответственно, отказ от «объективности» социальных законов. Предполагается поиск сложного смысла времени, представляющий «узкую

¹ См.: Merton R. K., Sorokin P. Social Time: a Methodological and Functional Analysis // American Journal of Sociology 1937. V. 42.

² Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истории, этики, права и общественных отношений. СПб: РХГМ. 2000. С. 457.

тропинку, затерявшуюся где-то между двумя концепциями: концепцией мира, управляемого законами, не оставляющими места для новации и созидания, и ... концепцией абсурдного, аказуального мира...»¹. Переоткрытие времени также связано с выявлением его *нравственной и этической составляющей*: время — это некоторая конструкция и, следовательно, несет некую «этическую ответственность»². Кроме того, переоткрытие времени предполагает отказ от простого линейного движения от прошлого к настоящему и будущему, замену его сложными нелинейными взаимодействиями³. Существенный вклад в переоткрытие времени внес М. Кастельс. По его мнению, процесс усложнения времени имеет *глоболокальный характер*, а развитие от капитализма к информационному, сетевому обществу способствовало *плюрализации* его сущности.

Виртуальная реальность — важная составляющая сложного социума. Сложность виртуальной реальности проявляется в том, что *стираются различия между реальным и воображаемым, появляются симуляции и симулякры*. Специально проблематику симулирования реальности — исследовал Ж. Бодрийяр, показавший, что ее проявления ведут к таким сложностям как «конец социального». По его определению, симулякры — символические знаки или образы, отрывающиеся по смыслу от конкретных объектов, событий, к которым они изначально относились, и тем самым выступающие как подделки, фальсифицированные копии, не соответствующие оригиналу. Современные люди, считает он, все более имеют дело с воображаемыми представлениями о реальности, с гиперреальностью, трактуемой как «симуляции чего-либо»⁴. В итоге разрушается и отмирает связь между символами и реальностью.

В сложном социуме *возникают гибриды социального и физического*. Природа перестает быть просто средой жизни человека, превращаясь в *органическую часть социума*, рефлексирующего вместе

¹ Пригожин И., Стенгерс И. Квант, хаос, время. К решению парадокса времени. М.: 2003. С. 223.

² См.: Пригожин И. Переоткрытие времени // Вопросы философии. 1989. № 8; Он же. От существующего к возникающему. Время и сложность в физических науках. М.: 2006.

³ См.: Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Синергетика: Нелинейность времени и ландшафты коэволюции. М.: КомКнига. 2007.

⁴ См.: Бодрийяр Ж. Прозрачность зла или конец социального. М.: 2000; Он же. К критике политической экономии знака. М.: 2003; Он же. Общество потребления. Его мифы и структуры. М.: 2006; Baudrillard J. Simulations. New York, 1983; Baudrillard J. Fatal Strategies. New York. 1990.

с ним. Если прежде сочетание несочетаемого выражалось в мифах о кентаврах, включавших в себя несочетаемое *живое*, то ныне возникли вполне *реальные гибриды* живого и неживого, физических и социальных отношений, которые получают *повсеместное* распространение. Под их влиянием проблемы в окружающей среде становятся непосредственно проблемами социума. Речь идет о становлении непредсказуемого *турбулентного климата*. При всех спорных моментах о глубинных причинах его утверждения несомненно, что одной из них является деятельность самого человека. Рассмотренные *некоторые* черты сложного социума, разумеется, не отражают всю его многогранность¹.

Диагностированные нами качественно новые характеристики сложных социальных реалий, взятые в совокупности, позволяют сделать следующий вывод: *мир вступил в сложный социум*. Для его анализа необходим синтез естественнонаучного, социального и *гуманитарного знания*, результатом которого может стать междисциплинарная *гуманистическая теория сложности, имеющая социологический стержень*.

Наша отправная посылка в этом вопросе состоит в том, что гуманитарная теория сложности должна в принципе основываться на *адекватном типе* социологического мышления. В этом контексте представляется особенно плодотворной концепция *синергетического мышления*, которую разрабатывает российский социолог В. Л. Романов. Основное ее преимущество в том, что она стремится дать инструментарий интерпретации именно *многогранности* процесса усложняющейся динамики социума, она основывается на интеграции социологии с естественными науками². Однако, на наш взгляд, синергетическое мышление, делая акценты на динамике социума, многообразии его количественных и качественных характеристик, тем не менее, недостаточно учитывает *гуманистическую* проблематику. Поэтому, на наш взгляд, необходимо движение к *нелинейно-гуманистическому мышлению, исходящему из ускорения и усложнения социокультурной динамики, взаимозависимой целостности человечества*, учитывающему не только парадоксальные разрывы и синтезы в общественном развитии, их синергию и риски, но и ставящего во главу жизнедеятельности человека поиск *новых форм гуманизма*, ориентированных на его экзистенциальные потребности. Движение к нелинейно-гуманистическому мышлению не осуществится спонтанно, для этого необходим активно действующий социологический актор.

¹ Подробнее см.: Кравченко С. А. Становление сложного общества: к обоснованию гуманистической теории сложности. М.: МГИМО-Университет. 2012.

² См.: Синергетика: Будущее мира и России / под ред. Г. Г. Малинецкого. М.: Издательство ЛКИ. 2008; Будущее России в зеркале синергетики. М.: КомКнига/URSS. 2006; Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Основания синергетики. М.: КомКнига/URSS, 2005; История и синергетика: методология исследования / ред. С. Ю. Малков и А. В. Коротаев. М.: КомКнига/URSS. 2005; Капица С. П., Курдюмов С. П., Малинецкий Г. Г. Синергетика и прогнозы будущего. М.: УРСС. 2003 и др.

Разумеется, нелинейно-гуманистическое мышление предполагает адекватный тип социологического *нелинейно-гуманистического воображения*. Инструментарий этого типа социологического воображения, в частности, включает в себя как нелинейную, так и гуманистическую составляющие¹.

Востребованность гуманистически ориентированной модернизации

Модернизация – процесс существенных социальных изменений, охватывающий все общество, все его подсистемы с соответствующими функциями – экономику, политику, государственные, правовые, образовательные, семейные и иные институты, в результате которого осуществляется переход от традиционных, аграрных к современным индустриальным обществам². Соответствующие радикальные изменения происходят в общественном сознании: с одной стороны, утверждаются идеи прогресса в виде торжества рационализма, всемогущества науки и техники, возможностей роста материального благосостояния, практической реализации прав и свобод человека, а с другой – отказ от прежде функциональных ценностей и традиций, на которых основывались собственно человеческие *отношения взаимопомощи* и которые стали утрачиваться, формируя ностальгические и антимодернизационные идеи. По словам российского социолога П. А. Кропоткина, модернизация и разрушение этих отношений стало «исторической трагедией». На основе наблюдений, проводившихся в Сибири, а также изучая исторические формы человеческой солидарности, (деревенские общины, гильдии, средневековые вольные города), им был сделан вывод, который, представляется, нуждается в переоткрытии с учетом новых реалий. «Главную роль, – писал он, в этическом прогрессе человека играла *взаимная помощь*, а не взаимная борьба. В широком распространении принципа *взаимной помощи*, даже и в настоящее время, мы видим лучший задаток дальнейшей еще

¹ См.: Кравченко С. А. Динамика социологического воображения: всемирная культура инновационного мышления. Монография. М.: Анкил. 2010.

² См.: Парсонс Т. О социальных системах. М.: Академический проект. 2002.

более возвышенной эволюции человеческого рода»¹. Вероятно, одним из первых наш российский социолог высказал суждение о побочных дисфункциональных последствиях индустриальной модернизации и то, как их следует преодолеть.

На рубеже XX–XXI вв. в связи с тенденциями космополитизации начались качественно новые модернизационные процессы в виде «рефлексивной» модернизации, которая, с одной стороны, представляет современный процесс детрадиционализации, уменьшающий роль социальных ожиданий в повседневной жизни людей, а с другой, «впервые в человеческой истории рефлексивный императив касается всех: люди могут *не принимать* институты и социальные практики как нечто неизменное, *выбирать* желательные социальные группы и избегать нежелательных, равно как изменять для этого свои идентичности, что в итоге ведет к переопределению и переструктурированию конфликта, гражданственности и гражданского общества»². По существу, речь идет об исторически новых *объективных и субъективных* возможностях для *сознательного* преобразования ныне существующих общественных отношений, которые открываются благодаря «рефлексивной» модернизации. Но материализоваться отмеченные возможности могут лишь благодаря соответствующему *рефлексивному агентству* россиян, учитывающему новые реалии сложного социума. Среди множества возникающих здесь принципиально новых проблем, которые еще ждут своего решения, отметим три как изначально главные: 1) современные российские акторы обладают огромным материальным потенциалом и научным знанием, которое *без гуманистической направленности, без собственно человеческой этики* противостоит нашей культуре, в которой пока сохраняется огромный потенциал Добра и даже разрушает ее; 2) нет осознания того, что мы имеем дело с управлением качественно иным — *сложным* — социумом, производящим *саморефлексию* и всевозможные *эмерджентные проявления*. Нравятся они лишь «виртуалам плюрализма» (П. Бергер), способным извлекать очевидную выгоду для себя из нормативной неопределенности, большинству же населения — нет. Из этого следует, что не только возврат к относительно простому социуму невозможен, но также не могут быть эффективными простые, силовые решения; 3) модернизация рефлексивного типа может в России быть эффективной лишь при возрождении социальной солидарности, обусловленной общенациональной идеей.

В истории России при осуществлении той или иной модернизации вплоть до недавнего времени вообще не ставился вопрос о *гуманности путей и средств достижения поставленных целей, их адекватности интегральной природе чело-*

¹ См.: Кротошкин П. А. Взаимная помощь как фактор эволюции // Социология в России XIX – начала XX веков. Общество. Законы истории. Прогресс. Цели и нормы жизни. Тексты. М.: Международный Университет Бизнеса и Управления. 2001.

² См.: The 8th European Sociological Association Conference. Conflict, Citizenship and Civil Society. Programme. 3rd – 6th September 2007. Glasgow Caledonian University. P. 36–37.

веческого капитала. Отрадно, что ситуация стала меняться в последнее время: декларируется, что экономические преобразования предполагают *гуманистическую основу*. «Инновационная экономика, — отметил Д. А. Медведев, — может сформироваться только в определенном социальном контексте как часть инновационной культуры, основанная на гуманистических идеалах, на творческой свободе, на стремлении к улучшению качества жизни. Именно закрепленные в национальной культуре нравственные установки, модели поведения предопределяют успешное развитие личности и нации в целом»¹. Сама отсылка на «гуманистические идеалы» позволяет, с одной стороны, с оптимизмом смотреть на потенциальные грядущие модернизационные преобразования, а с другой — с этих же позиций *оценить шансы* на их воплощение в жизнь.

Ни одна исторически известная модернизация *не поднялась до постановки цели духовного и нравственного возрождения человеческих отношений*. Модернизация, учитывающая нелинейность развития сложного социума, позволит вывести страну на уровень качественно более высокого социального порядка. Как это ни парадоксально, залогом тому являются сами неопределенности, обусловленные *плюрализмом возможностей* организации жизнедеятельности, эффектами самотворения и самоорганизации. И. Валлерстайн прямо рассматривает наличие альтернативных путей как фактор, позволяющий сделать общество качественно лучше для жизни человека². Отсюда следует, что нужно принять факторы неопределенности, используя их для *общественно значимого* функционального развития, имея также в виду, чтобы они в *принципе были управляемы* институциональными структурами в целях гуманизации человеческих отношений.

Возрастает гуманистическая значимость фактора *социальной ответственности*: ныне все чаще представителям многих профессий приходится принимать весьма рискованные решения, которые сулят прорывы к инновациям и, на первый взгляд, несут очевидные блага. Но они же, *если выйдут за допустимый порог баланса управления и саморегуляции* той или иной сложной системы, могут привести к потере управляемости инновационными процессами и катастрофическим социальным последствиям.

¹ Медведев Д. А. Послание Федеральному Собранию [Электронный ресурс] // Президент России URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/5979> (Дата обращения 18.12.2012).

² Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века. М.: Логос. 2003.

Для каждой модернизации характерно *свое* общественное сознание, *свой* определенный тип мышления. В эпоху *индустриальной модернизации* мышление основывалось на постулатах существования «законов» общественного развития, презумпции внешней причины, принудительной каузальности, логоцентризма и евроцентризма научного знания. Как считал выдающийся социолог современности Роберт Мертон, *недостатком этого типа мышления является то, что оно латентно осуществляет «обучению неспособности» к творческому, креативному мышлению*. От себя добавим – также и к производству взаимной помощи и Добра.

Полагаем, нелинейно-гуманистическое мышление, в конечном счете, может сформировать «дух всеобщей дружбы, симпатии и неэгоистической любви», дух «взаимной помощи», за который так ратовали Отцы российской социологии П. А. Сорокин, П. А. Кропоткин, М. М. Ковалевский. Разумеется, возможный выход из системного кризиса, преодоление возникших узвизимостей человеческого существования и переход к новому социокультурному порядку, качественно отличному от ныне существующего, не предполагает ни простых решений, ни «легкой» жизни. Но очевидно одно: учитывая исторически возникший в контексте реалий сложного социума «рефлексивный императив», касающийся всех и каждого, возможно эффективно осуществить гуманистически ориентированную модернизацию, нацеленную на раскрытие многогранных духовных и интеллектуальных потенциалов Человека.

Литература

1. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла или конец социального. М.: Добросвет. 2000.
2. Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. М.: Библион-Русская книга. 2003.
3. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. М.: Культурная революция, Республика. 2006.
4. Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя. 2007.
5. Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века. М.: Логос. 2003.
6. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. М.: Академический проект. 2003.
7. Горшков М. К. Российское общество как оно есть. М.: Новый хронограф. 2011.

8. Горшков М. К. Социально-политические аспекты модернизационного проекта России // Социально-политические процессы и ценности в условиях глобализации. М.: Новый хронограф. 2012.
9. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М.: Канон. 1995.
10. История и синергетика: методология исследования / ред. С. Ю. Малков и А. В. Коротаев. М.: КомКнига/URSS. 2005.
11. Капица С. П., Курдюмов С. П., Малинецкий Г. Г. Синергетика и прогнозы будущего. М.: УРСС. 2003.
12. Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Основания синергетики. М.: КомКнига/URSS. 2005.
13. Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Синергетика: Нелинейность времени и ландшафты коэволюции. М.: КомКнига. 2007.
14. Кравченко С. А. Динамика социологического воображения: всемирная культура инновационного мышления. Монография. М.: Анкил. 2010.
15. Кравченко С. А. Становление сложного общества: к обоснованию гуманистической теории сложности. М.: МГИМО-Университет. 2012.
16. Кропоткин П. А. Взаимная помощь как фактор эволюции // Социология в России XIX – начала XX веков. Общество. Законы истории. Прогресс. Цели и нормы жизни. Тексты. М.: Международный Университет Бизнеса и Управления. 2001.
17. Медведев Д. А. Послание Федеральному Собранию [Электронный ресурс] // Президент России URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/5979> (Дата обращения 18.12.2012).
18. Парсонс Т. О социальных системах. М.: Академический Проект. 2002.
19. Пригожин И. От существующего к возникающему. Время и сложность в физических науках. М.: КомКнига. 2006.
20. Пригожин И. Переоткрытие времени // «Вопросы философии». 1989. № 8.
21. Пригожин И., Стенгерс И. Квант, хаос, время. К решению парадокса времени. М.: Едиториал УРСС. 2003.
22. Синергетика: Будущее мира и России / под ред. Г. Г. Малинецкого. М.: Издательство ЛКИ, 2008; Будущее России в зеркале синергетики. М.: КомКнига/URSS. 2006.

23. Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истории, этики, права и общественных отношений. СПб: РХГМ. 2000.
24. Степин В. С. О философских основаниях синергетики. Синергетика: Будущее мира и России. М.: Издательство ЛКИ. 2008.
25. Штомпка П. Социальное изменение как травма // «Социологические исследования». 2001. № 1.
26. Baudrillard J. Simulations. New York. 1983; Baudrillard, J. Fatal Strategies. New York. 1990.
27. Castells Manuel. The Rise of the Network Society. Second edition. Oxford: Wiley-Blackwell. 2010.
28. Merton R. K., Sorokin P. Social Time: a Methodological and Functional Analysis // American Journal of Sociology. 1937. V. 42.
29. Sztompka P. Society in Action: A Theory of Social Becoming. Cambridge, 1991.
30. The 8th European Sociological Association Conference. Conflict, Citizenship and Civil Society. Programme. 3rd – 6th September 2007. Glasgow Caledonian University.
31. Urry John. Climate Change and Society. Cambridge: Polity Press. 2011.
32. Urry John. Global Complexity. Cambridge: Polity Press. 2003.